

В.В. Воробьев

Наружное ухо человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Воробьев**
Наружное ухо человека / В.В. Воробьев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 231 с.

ISBN 978-5-518-01431-2

ISBN 978-5-518-01431-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая работа монографическаго характера всегда сопряжена съ многораазличными затрудненіями и препятствіями: за невозможностью совмѣщенія въ себѣ всѣхъ сторонъ знанія неизбежно приходится имѣть дѣло съ нѣкоторыми сторонами вопроса мало, сравнительно, знакомыми, учиться которымъ по книгамъ далеко не всегда удобно; поневолѣ, слѣдовательно, приходится обращаться къ людямъ болѣе свѣдущимъ въ соответствующихъ вопросахъ, эксплуатировать ихъ трудъ и время. У насъ въ Москвѣ, за отсутствіемъ хорошо укомплектованной бібліотеки, охватывающей различныя отрасли научнаго знанія и совмѣщающей сочиненія, написанныя на различныхъ европейскихъ языкахъ, работа отягощается въ значительной мѣрѣ и трудностью собиранія литературнаго матеріала; эта трудность по отношенію къ настоящей моей работѣ увеличивалась значительно еще и потому, что литературныя данныя скудны, разбросаны по изданіямъ весьма разнороднаго характера (антропологическимъ, анатомическимъ, психіатрическимъ, судебно-медицинскимъ, отіатрическимъ, фізіологическимъ и т. д.). Повятно, опять-таки что и здѣсь нельзя было обойтись безъ помощи другихъ лицъ, дававшихъ указанія на существующую литературу и открывавшихъ доступъ къ бібліотекамъ принадлежащимъ имъ лично или же завѣдуемымъ ими учрежденіямъ. Требовалось, наконецъ, разрѣшеніе и нѣкоторая помощь и въ выборѣ и изслѣдованіи самыхъ объектовъ наблюденій, въ данномъ случаѣ—живыхъ людей. Такимъ образомъ появленіе въ свѣтъ моей монографіи было бы невозможно безъ помощи и участія цѣлаго ряда лицъ. Послѣднее обстоятельство при иныхъ условіяхъ могло бы отразиться на работѣ чрезвычайно пагубно; но съ чувствомъ истиннаго удовольствія считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, несмотря на то, что чаще всего проходило обращеніе къ лицамъ, и безъ того обремененнымъ сложными научными и общественными трудами, мнѣ никогда не приходилось наталкиваться не только на недоброжелательное, но даже на нетерпѣливое или недостаточно внимательное отношеніе къ моимъ просьбамъ и нуждамъ. Въ текстѣ работы я старался вездѣ, по мѣрѣ возможности, указывать на имена лицъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе, и выражать имъ мою сердечную признательность. Но относительно нѣкоторыхъ лицъ, какъ разъ наиболѣе мною утруждаемыхъ и наиболѣе полезныхъ для меня своими совѣтами и содѣйствіемъ, случилось такъ, что самый ходъ изложенія не далъ мнѣ случая выразить мою благодарность въ томъ или другомъ мѣстѣ текста; съ другой стороны, сознаніе размѣровъ сдѣланнаго для меня и для моей работы заставляеть не ограничиться такой формой благодарности, но поставить имена этихъ лицъ по справедливости на передней страницѣ моего труда.

Къ великому прискорбію одинъ изъ людей, наиболѣе отзывчивыхъ, наиболѣе готовыхъ отдавать свой трудъ, свое время въ распоряженіе всякаго, кто только предъявить на нихъ требованіе, уже не услышитъ скромной дани моей безконечной признательности за все сдѣланное имъ какъ для данной работы, такъ и за многіе другіе чрезвычайно цѣнные совѣты и указанія; его, незабвеннаго *Сергія Сергѣевича Корсакова* уже нѣтъ между нами! Онъ былъ свидѣтелемъ самыхъ первыхъ шаговъ, предпринимаемыхъ мною еще для подготовленія представляемой теперь на общественный судъ работы; подъ его непосредственнымъ вліяніемъ опредѣлилось въ значительной мѣрѣ и направленіе самой работы и частью ея объемъ и содержаніе; его цѣнные совѣты, его обширная бібліотека дали мнѣ возможность

намѣтитъ и произвести большую часть подготовительной къ настоящей монографіи работы, Начавшейся, кстати сказать, еще съ середины 1895 года.

Изъ лицъ же, нынѣ здравствующихъ, я считаю себя нравственно обязаннымъ еще разъ засвидѣтельствовать мою особую благодарность *Дмитрію Николаевичу Амичину* и *Алексію Арсеньевичу Ивановскому*, много и часто помогавшимъ мнѣ и своими цѣнными указаніями, продиктованными ихъ обширными спеціальными знаніями и свѣдѣніями по литературѣ вопроса, и предоставленіемъ въ мое распоряженіе многихъ книгъ изъ ихъ личныхъ библиотекъ. Не меньшую благодарность приношу я и главному доктору Преображенской больницы *Ивану Васильевичу Константиновскому* за любезное разрѣшеніе производить мои наблюденія въ завѣдуемой имъ больницѣ и за то предупредительное вниманіе, которое я встрѣтилъ во время работы въ этой больницѣ, какъ со стороны самого Ивана Васильевича, такъ и со стороны всѣхъ товарищей-врачей, служившихъ въ то время въ Преображенской больницѣ. Не мало также обязанъ я указаніямъ, дѣланымъ мнѣ со стороны сочленовъ по Обществу Московскихъ Невропатологовъ и Психіатровъ и по Антропологическому Отдѣлу Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи во время дебатовъ по нѣсколькимъ моимъ докладамъ на темы, относящіяся къ области, охватываемой моей настоящей монографіей. Не со всѣми, конечно, изъ дѣлаемыхъ мнѣ возраженій я могъ согласиться; противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ приходится полемизировать даже и на страницахъ этой работы. Тѣмъ не менѣе, даже и такія не переубѣдившія меня замѣчанія имѣли свое несомнѣнное и очень большое значеніе и вызываютъ во мнѣ чувство глубокой признательности, заставляя всегда помнить, что *disputando cognoscitur veritas!*

В. В. Воробьевъ.

Москва.
5 октября 1901 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Очередныя задачи современной анатоміи. Ближайшая цѣль и задачи при изученіи формъ наружнаго уха. Исторія возникновенія и развитія интереса къ изученію наружнаго уха.

Первоначальная задача описательной анатоміи — изучить и описать общій планъ строенія всѣхъ органовъ и тканей человѣческаго тѣла теперь, послѣ многихъ вѣковъ существованія этой науки, выполнена съ значительной степенью совершенства и если бы взгляды на задачи науки оставались неподвижными во все время ея существованія, макроскопическая анатомія была бы близка къ полному исчерпыванію своего предмета. Но точки зрѣнія мѣняются; по мѣрѣ развитія науки, по мѣрѣ накопленія знаній являются новые запросы, съ ними — новые методы изученія, а слѣдовательно и новые факты. Для анатоміи такимъ новымъ методомъ явилось прежде всего примѣненіе микроскопа. Въ области микроскопіи всѣхъ органовъ вообще, а центральной нервной системы въ особенности, существуетъ еще множество пробѣловъ, да и самъ по себѣ предметъ настолько широкъ, что сейчасъ не предвидится даже и возможности хотя бы приблизительно указать, гдѣ лежитъ граница, дальше которой некуда идти; да и есть ли еще такая граница?

Надо, впрочемъ, сказать что и въ области макроскопической анатоміи запросы научнаго духа растутъ и предѣлы полнаго знанія не приближаются, а, наоборотъ отодвигаются все дальше и дальше.

Еще оставались не описанными или описанными недостаточно точно и опредѣленно многія, сложныя по взаимоотношеніямъ образующихъ ихъ тканей, области человѣческаго тѣла, какъ уже народилась новая отрасль науки — сравнительная анатомія, потребовавшая изученія человѣческаго организма въ связи съ организмами другихъ животныхъ, въ связи съ ученіемъ о развитіи органической жизни на землѣ. Новая задача настолько широка, что не только объ исчерпываніи ея, но даже и о выполненіи наиболѣе существенныхъ и кружныхъ въ этомъ отношеніи пробѣловъ въ настоящее время не приходится еще и мечтать; а между тѣмъ подъ давленіемъ накапливающихся знаній опять открываются новые пути, намѣчаются новыя задачи, изъ которыхъ одни

находятъ уже ряды работниковъ, другія едва намѣчены, третьи еще только намѣчаются...

Анатомы прежнихъ вѣковъ смотрѣли на человѣка, какъ на что-то единое, недѣлимое. Для нихъ негръ, арабъ, малаецъ, европеецъ — различались только по окраскѣ кожи, цвѣту и виду волосъ и по нѣкоторымъ другимъ совершенно съ ихъ точки зрѣнія не важнымъ признакамъ. Со временемъ выяснилось, однако, что не только внѣшніе покровы, но и нервно-мышечная ткань и костный скелетъ, и даже, до нѣкоторой степени и строеніе внутреннихъ органовъ у представителей различныхъ расъ нѣсколько разнятся другъ отъ друга. Постепенно удалось подобрать нѣкоторое количество анатомическихъ признаковъ, отличающихъ однѣ расы отъ другихъ. Существуютъ даже не всегда, правда, удачныя попытки классифицировать эти отличительные признаки, привести ихъ въ связь съ особенностями отличающими однѣ породы животныхъ отъ другихъ и составить непрерывную лѣстницу зоологическихъ особей съ низшими типами организмовъ внизу, съ высшими человѣческими расами наверху.

Такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ отрывочныхъ замѣчаній отдѣльныхъ авторовъ ко второй половинѣ истекающаго столѣтія сложилась новая отрасль анатоміи — расовая анатомія — предметъ почти цѣликомъ перешедшій въ вѣдѣніе антропологии. Съ тѣхъ поръ какъ антропология дала свои методы, свои приемы изученія, стало накапливаться все большее и большее количество фактовъ, указывающихъ на существованіе вариаций въ строеніи, а въ особенности въ пропорціяхъ, отдѣльныхъ органовъ даже и въ предѣлахъ одной и той же расы. Вскорѣ было установлено такимъ образомъ общее положеніе: строеніе человѣческаго тѣла единообразно только по общему своему плану, въ предѣлахъ котораго существуютъ, однако, цѣлыя ряды отдѣльныхъ типовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ болѣе общее значеніе (расовые, профессиональные типы и т. д.), другіе — болѣе частное (такъ называемые ин-

дивидуальные типы). Разобраться въ этихъ типахъ, точиѣ опредѣлить ихъ значеніе—дѣло будущаго. Смутное сознание потребности въ такой „анатоміи типовъ“ существовало, конечно, уже давно и кое-что дѣлалось въ этомъ направленіи и раньше, но болѣе сознательныя попытки относятся къ совершенно недавнему времени.

Прежніе авторы, исходя изъ à priori установленнаго положенія о тождествѣ строенія отдѣльныхъ человѣческихъ организмовъ, изучали человѣческое тѣло по немногочисленнымъ имѣющимся подъ руками препаратамъ. Усмотрѣвъ въ одномъ или въ немногихъ экземплярахъ уклоненія отъ того типа, какой они привыкли встрѣчать чаще всего, старыя анатомы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отмѣчали такія уклоненія подъ именемъ „аномалій“, т.-е. приписывали имъ значеніе чего-то ненормальнаго, значеніе порока развитія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя изъ отмѣчаемыхъ ими уклоненій какъ разъ и имѣли значеніе дѣйствительныхъ уклоненій отъ нормы, но далеко не всѣ. Описывая, напримѣръ, ходъ артерій въ верхнихъ конечностяхъ, прежніе анатомы говорили, что тотчасъ ниже локтевого сгиба *art. brachialis* дѣлится на двѣ вѣтви—*art. radialis* и *art. ulnaris*, по раздѣленіи которыхъ отъ одной изъ нихъ, чаще отъ *art. radialis* — отходитъ *art. interossea* и т. д.

При такомъ описаніи нѣкоторымъ колебаніямъ въ способѣ отхожденія *art. interossea*, какъ болѣе часто встрѣчающимся, уже приписывается значеніе чего-то типическаго не имѣющаго значенія аномаліи.

„Иногда“,—добавляли анатомы,—„раздѣленіе плечевой артеріи происходитъ то выше, то ниже, иногда же вмѣсто бифуркаціи плечевая артерія аномально дѣлится сразу на три вѣтви: *art. radialis*, *art. ulnaris* и *art. interossea*“ и т. д. Обращаясь, однако, къ методу массовыхъ изслѣдованій, можно замѣтить, что эти „аномаліи“ далеко не такъ рѣдки и обязательно встрѣчаются въ каждой сколько-нибудь большой серіи наблюденій въ извѣстномъ болѣе или менѣе постоянно процентѣ всѣхъ случаевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобнымъ распределеніемъ артерій обезпечивается кровенаполненіе конечностей съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при „нормальномъ“ строеніи. Словомъ, отмѣчаемыя аномаліи не носятъ характера ни случайнаго, ни патологическаго явленія. Въ настоящее время большинство авторовъ на ряду съ описаніемъ главнаго основнаго типа строенія органа прибавляетъ обыкновенно и описаніе болѣе часто замѣчаемыхъ уклоненій, иногда отмѣчается даже процентъ случаевъ, падающихъ на долю этихъ уклоненій, но самыя уклоненія въ большинствѣ случаевъ именуется попрежнему „аномаліями“. И только немногіе болѣе такъ сказать прогрессивные, изъ современныхъ авторовъ отрѣшаются отъ стараго, подающаго поводъ къ недоразумѣніямъ термина „аномаліи“ и за-

мѣняютъ его болѣе точными именами—„вариации“, „менѣе распространенные типы строенія“ и т. д. Въ числѣ такихъ анатомовъ у насъ въ Россіи надо поставить на первое мѣсто пр. Д. Н. Зернова^{1,2)}, основательно изучившаго вариации строенія извилинъ и бороздъ человѣческаго мозга. Въ томъ же духѣ индивидуализаціи и изученія на ряду съ основными типами и болѣе часто встрѣчающихся вариаций строенія органовъ ведется и все изложеніе составленнаго имъ руководства по анатоміи человѣка. Въ виду того, что работа пр. Зернова о мозговыхъ извилинахъ представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ изученія отдѣльнаго органа въ духѣ требованій, предъявляемыхъ современнымъ уровнемъ знаній и является указаніемъ, какъ надо въ этомъ направленіи работать, приведемъ главнѣйшія положенія почтеннаго автора, примѣнимыя не только къ однимъ мозговымъ извилинамъ, но и ко всѣмъ, вѣроятно, органамъ человѣческаго тѣла безъ исключенія.

Проф. Зерновъ даетъ слѣдующія общія положенія: 1) число видоизмѣненій мозговыхъ бороздъ и извилинъ у человѣка сравнительно ограничено и все разнообразіе ихъ какъ бы охвачено рамкою, за предѣлы которой видоизмѣненія формъ бороздъ и извилинъ не переступаютъ. 2) Между крайними отклоненіями и среднимъ, т.-е. болѣе распространеннымъ типомъ развитія бороздъ и извилинъ существуетъ непрерывный рядъ переходныхъ формъ.

Встрѣчая описываемыя имъ вариации въ строеніи бороздъ и извилинъ у представителей различныхъ расъ, проф. Зерновъ придаетъ имъ значеніе общечеловѣческихъ индивидуальныхъ вариаций, относительно же существованія расовыхъ типовъ авторъ выражается уклончиво, не отрицая ихъ прямо, но говоря, однако, что до сихъ поръ мы знаемъ объ этомъ не болѣе чѣмъ знали прежде. Но теперь, когда мы можемъ сопоставить съ работами проф. Зернова работы: *C. Giacomini*^{3,4)} для Италіи, *D. Cunningham*'a⁵⁾ для Ирландіи, *G. Retzius*'a⁶⁾ для Швеціи, *R. Weinberg*'a^{7,8)} для евровъ, латышей и поляковъ и т. д., можно сказать утвердительно, что и въ строеніи бороздъ и извилинъ мозга возможно отмѣтить существованіе извѣстныхъ расовыхъ различій. Едва ли, правда, существуютъ формы извилинъ и бороздъ свойственныя исключительно какой-либо одной расѣ и не встрѣчающіяся среди представителей другихъ расъ, но суть расовыхъ различій сводится къ тому, что формы составляющія какъ бы исключенія для однихъ расъ, у другихъ появляются значительно чаще. И здѣсь, какъ и большинствѣ другихъ случаевъ, расовыя отличія имѣютъ, слѣдовательно, извѣстное теоретическое значеніе, позволяютъ говорить о расовыхъ типахъ, но не даютъ прямой возможности опредѣленія принадлежности каждаго даннаго индивидуума къ той или другой расѣ. Но послѣднее требованіе, нереѣдко и до сихъ поръ предъявляемое къ отдѣльнымъ

расовымъ признакамъ, является, конечно, плодомъ глубокаго недоразумѣнія, такъ какъ опредѣленіе принадлежности субъекта къ той или другой расѣ по однимъ только анатомическимъ признакамъ, если и возможно, то только по всей совокупности ихъ, а никакъ не по одному отдѣльному признаку.

Работа въ вышеуказанномъ направленіи далеко еще не закончена, вѣрнѣе даже будетъ сказать, что она едва только начинается, и современнымъ анатомамъ предстоитъ широкое поле для изученія расовыхъ и индивидуальныхъ колебаній въ строеніи отдѣльныхъ органовъ.

Изученіе индивидуальныхъ колебаній въ величинахъ отдѣльныхъ частей тѣла скоро нашло себѣ и практическое примѣненіе въ видѣ учрежденія полицейскихъ антропометрическихъ бюро, назначенныхъ для идентификаціи личности преступниковъ, — бюро основанныхъ впервые *Bertillon*'омъ въ Парижѣ и распространившихся потомъ по многимъ другимъ городамъ и странамъ. Замѣны общей схемы строенія человѣческаго организма изученіемъ отдѣльныхъ типовъ и вариаций издавна требовали отъ анатоміи для своихъ практическихъ цѣлей художники и скульпторы, сами, въ свою очередь, не мало потрудившіеся на этомъ поприщѣ. Уже скульпторы античнаго міра, изучая величины отдѣльныхъ частей тѣла по отношенію ко всему туловищу или къ какимъ-нибудь его отдѣльнымъ частямъ, принимаемымъ за единицу мѣры, стремились создать свои каноны, т.-е. схемы пропорцій идеальнаго прекраснаго сложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они разрабатывали и вопросъ о значеніи индивидуальныхъ колебаній, стремясь передать идеи величія и низости, ума и тупости и т. д. черезъ сознательное искаженіе пропорцій канона путемъ удлиненія однихъ и сокращенія другихъ частей организма — главнымъ образомъ — головы или лица (увеличенный и измененный въ формѣ лобъ Юпитера Громовержца, удлиненное лицо Рамзеса и другихъ фараоновъ и т. д.). Въ фактъ существованія различныхъ канонныхъ (египетскаго, греческаго и т. д.), можно уже видѣть зародышъ ученія о расовыхъ типахъ.

Въ послѣднее время запросы на болѣе точное знаніе индивидуальныхъ вариаций въ строеніи тѣла и особенно на знаніе нормальныхъ предѣловъ этихъ вариаций выдвинуты со стороны психиатровъ и антропологовъ-криминалистовъ. Конецъ пятидесятихъ годовъ только что истекшаго столѣтія ознаменовался въ психіатріи возникновеніемъ и развитіемъ ученія *Morel*'я^{9, 10}) о психическомъ и физическомъ вырожденіи, а въ среднѣ семидесятихъ годовъ *Lombroso*¹¹) создалъ свое ученіе о преступномъ типѣ и о психическихъ и физическихъ его особенностяхъ. Тѣ части ученія *Morel*'я, равно какъ и ученія *Lombroso*, которыя касались физическихъ особенностей вырождающихся и преступниковъ, подвергались неоднократнымъ и рѣзкимъ напад-

камъ и вызывали продолжительные споры, далеко не закончившіеся и по настоящее время. Тѣ особенности строенія, въ которыхъ одни авторы хотятъ видѣть признаки вырожденія или же признаки преступности, являются въ глазахъ другихъ авторовъ особенностями созданными условіями жизни, питаніемъ, профессіей, особенностями расы, наконецъ, такъ называемыми индивидуальными особенностями, никоимъ образомъ не имѣющими, однако, патологическаго значенія. Очевидно, что окончательное рѣшеніе принципиальнаго вопроса о существованіи или несуществованіи физическихъ признаковъ вырожденія или преступности, а тѣмъ болѣе точная ихъ установка и дифференцировка отъ расовыхъ, профессиональныхъ и т. п. особенностей строенія организма возможны только тогда, когда будутъ всесторонне изучены вариации въ строеніи человѣческаго тѣла и причины ихъ возникновенія.

Такимъ образомъ художники, антропологи, гигиенисты (вопросъ о профессиональныхъ измѣненіяхъ организма и измѣненіяхъ подъ вліяніемъ среды), антропологи — криминалисты и психіатры, исходя изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, сходятся между собой въ предъявляемыхъ ими къ анатоміи требованіяхъ, т.-е. въ требованіяхъ всесторонняго изученія вариаций въ строеніи человѣческаго тѣла. Нельзя, однако, сказать, чтобы анатомія спѣшила своимъ отвѣтомъ на эти призы: за исключеніемъ хода сосудовъ и нервовъ, равно какъ и нѣкоторыхъ топографическихъ отношеній, представляющихъ прямой интересъ для хирурговъ и ими по преимуществу изученныхъ, методъ статистическаго изслѣдованія вариаций отдѣльныхъ формъ съ опредѣленіемъ относительной частоты ихъ распространенія у чистыхъ анатомовъ едва лишь начинаетъ примѣняться при изслѣдованіи мозговыхъ извилинъ и бороздъ, большинство же другихъ органовъ представляетъ въ этомъ отношеніи широкое поле для грядущихъ изслѣдователей.

Для анатоміи, какъ научной дисциплины, не должно существовать важныхъ или не важныхъ органовъ, но всѣ органы въ одинаковой мѣрѣ требуютъ систематическаго изученія. Но запросы, предъявляемые другими научными дисциплинами, интересы научнаго дня выдвигаютъ отъ времени до времени на первый планъ изученіе отдѣльныхъ органовъ, оставшихся прежде въ тѣни. Къ такимъ злословнымъ, если можно такъ выразиться, органамъ принадлежитъ между прочимъ и наружное ухо. Представляя изъ себя небольшой легко доступный наблюденію органъ, очерченный прихотливыми контурами, измѣняющимися индивидуально въ чрезвычайно широкихъ границахъ, наружное ухо обратило на себя въ послѣднее время особое вниманіе чистыхъ антропологовъ, антропологовъ-криминалистовъ и психиатровъ. Интересъ къ изученію наружнаго уха возникаетъ впервые очень рано, раньше, быть-можетъ,

чѣмъ сложилось опредѣленное понятіе о наукѣ, какъ таковой, такъ какъ, по древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствамъ исторіи, народная мудрость часто связывала съ той или другой формой наружнаго уха представленіе объ опредѣленныхъ нравственныхъ или интеллектуальныхъ особенностяхъ индивидуума. Среди древняго населенія Индо-Китая длинная ушная мочка считалась (по Топинару ¹²) за признакъ мудрости. У древнихъ грековъ мы уже находимъ сказаніе о томъ, какъ разгнѣванный неудачной критикой Мидаса Аппеллесъ награждаетъ царственный портретъ „ослиными“ ушами. Аристотель, впрочемъ, смотрѣлъ на длинныя уши гораздо благосклоннѣе и считалъ ихъ за признакъ острой памяти. Современнымъ народамъ также не чуждо представленіе о связи между формой уха и психическимъ обликомъ человѣка: „ослиныя“ уши не потеряли своего значенія и до сихъ поръ; равнымъ образомъ сохранилось у восточныхъ азіатовъ до сихъ поръ представленіе о длинной мочкѣ, какъ о признакѣ мудрости. *Karutz* ¹³) утверждаетъ, что среди современныхъ монголовъ распространенъ взглядъ на обладателей далеко отстоящаго отъ головы (оттопыренаго) уха, какъ на счастливыхъ людей и т. д.

Наблюдательность германскихъ племенъ идетъ въ изученіи наружнаго уха еще дальше, предвосхищая только недавно установленный наукою (*Frigerio* ¹⁴), *Binder* ¹⁵), *Schüfer* ¹⁶) и др.), фактъ наследственной передачи формы уха отъ родителей къ дѣтямъ. Нельзя даже сказать, что этотъ фактъ установленъ въ наукѣ вполне точно и безспорно, народная же мудрость нѣмцевъ вѣрить ему вполне и отлила его въ точное положеніе: „Das Kind gehört wohl dem betreffenden Vater, aber ein Anderer hat ihm die Ohren eingesäimt“.

Живущія въ народѣ представленія о связи между формою уха и особенностями человѣческаго духа не могли не отразиться и на произведеніяхъ художниковъ, какъ древняго міра, такъ и современныхъ, изучавшихъ ухо довольно внимательно и использовавшихъ нѣкоторые его особенности, какъ, напримѣръ, заостренную его верхушку — ухо сатира, затѣмъ такъ называемый Дарвиновъ бугорокъ, высокое положеніе ушей („ушки на макушкѣ“) и т. д.

Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ отрывочныя замѣчанія древнихъ авторовъ и консолидированныя народныя наблюденія относительно связи между физическими особенностями организмовъ и психическимъ строемъ ихъ носителей отлились, наконецъ, въ попытку созданія особой науки—физиономики, въ которой наружному уху отведено далеко не послѣднее мѣсто. Такъ *Gradenigo* ¹⁷) нашелъ отдѣльныя указанія относительно наружнаго уха у слѣдующихъ физиономистовъ: *Albertus Magnus* (*De animalibus* 1479 г.), *Gauricus Pomponius* (*De Physiognomia* 1505), *Grattorola* (*De predictione morum naturarumque hominum facile ex*

inspectione partium corporis 1554), *Porta* (*De humana physiognomia* 1586), *Polemone* (*Physiognomia* 1623), *Ghirardelli* (*Cefalogia fisiognomica* 1630) и т. д. Въ этомъ перечнѣ, далеко не полномъ, *Gradenigo* умалчиваетъ между прочимъ и о самомъ выдающемся и наиболѣе рациональномъ физиономистѣ *Lavater*'ѣ ¹⁸) который во II томѣ своего знаменитаго труда посвящаетъ также нѣсколько страницъ (стр. 211 и слѣд.) наружному уху и даетъ цѣлый рядъ рисунковъ такихъ его формъ, которыя большинство современныхъ психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ не задумалось бы причислить къ такъ называемымъ дегенеративнымъ формамъ уха.

Научная критическая мысль не могла принять не только выводы, но даже и самыя основныя принципы, на которыхъ построена физиономика, тѣмъ не менѣе, отголоски взглядовъ физиономистовъ встрѣчаются еще въ сравнительно недавнее время. Такъ, еще въ 1854 г. *Amedée Joux* положительнымъ образомъ утверждаетъ, что „la forme et la couleur de l'oreille coïncide 1) avec la beauté et la noblesse. 2) avec la laideur et la basseuse. Il-y-a des oreilles intelligentes, des oreilles stupides et st. Въ заключеніе увлекающійся авторъ восклицаетъ: „Montre moi ton oreille et je te dirai qui tu es, d'où tu viens et où tu vas!“ Даже самая новѣйшая только что вышедшая работа относительно наружнаго уха, принадлежащая перу *M. Ellis* ¹⁹), пропитана въ значительной мѣрѣ духомъ старыхъ физиономистовъ. Съ паденіемъ престижа физиономики изученіе наружнаго уха останавливается. Большинство анатомовъ, даже и такихъ крупныхъ, какъ *Гемле* ²⁰), *Гиртль* ²¹) и др., посвящаютъ въ своихъ руководствахъ наружному уху по нѣсколько строчекъ, давая въ лучшемъ случаѣ простую анатомическую номенклатуру отдѣльныхъ его образований и ничего или почти ничего не говоря о степени ихъ развитія, объ ихъ постоянствѣ и варіаціяхъ. Впрочемъ, *Гиртль* въ отдѣльныхъ своихъ работахъ дѣлаетъ кое-какія побочныя замѣчанія о расовыхъ формахъ наружнаго уха (уху съ недоразвитымъ завиткомъ или „свиное ухо“ монголовъ, нѣкоторые замѣчанія *Гиртля* о высокомъ положеніи уха и т. д.). Нѣсколько большимъ вниманіемъ пользовалось наружное ухо въ эмбриологіи, и исторія развитія всего наружнаго уха и отдѣльныхъ его образований довольно обстоятельно изучена трудами *Moldenhauer*'а ²²), *His*'а ^{23—25}), *Gradenigo* ²⁶), *Chiarugi*, ²⁷) *L. Meyer*'а ²⁸), *Shwalbe* ^{29—32}) *Schäffer*'а ¹⁶) и др. авторовъ, при чемъ интересъ къ изученію повышался въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ эмбриологіи вмѣстѣ съ сравнительной анатоміей болѣе чѣмъ отъ всѣхъ другихъ отдѣловъ научнаго знанія ожидали рѣшенія поднятаго еще *Дарвиномъ* ³³) вопроса о томъ, представляетъ ли наружное ухо человѣка атрофирующійся рудиментарный органъ, а если да,—то какимъ образомъ у органа исчезающаго могутъ появляться новыя образования (мочка и т. д.). Но

наибольший интерес изучение наружного уха получило съ момента возникновения и распространения учения *Morel'*я о вырождении а потомъ и учения *Lombroso*—о преступномъ человѣкѣ. Наружное ухо, какъ органъ сложный по конфигураціи, подверженный множеству вариаций въ формѣ отдѣльныхъ его частей, обращалъ на себя въ этомъ отношеніи особое вниманіе, увеличивающееся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за наружнымъ ухомъ довольно уже прочно установилась репутация органа рудиментарнаго и тѣ или другія вариации его формы давали соблазнительный поводъ для толковъ объ атавистическихъ, возвращающихся къ животному типу образованіяхъ органовъ вырождающихся душевно-больныхъ или преступниковъ.

Но формы наружного уха, предѣлы ихъ вариаций и значеніе послѣднихъ были изучены до нашего времени слишкомъ еще мало для того, чтобы можно было разобраться сколько-нибудь удовлетворительно во всѣхъ возникающихъ здѣсь вопросахъ, и сложный вопросъ о физическихъ признакахъ вырожденія и преступности ни-

коимъ образомъ не могъ получить своего разрѣшенія путемъ изученія формъ ушей душевно-больныхъ и преступниковъ. Произошло зато другое явленіе, а именно: подъ влияніемъ споровъ о дегенеративномъ ухѣ началось болѣе полное и болѣе систематическое изученіе вариаций формы нормальнаго уха.

Если мы вспомнимъ, наконецъ, о томъ, что въ послѣднее время антропологи также стали обращать нѣсколько большее, чѣмъ прежде, вниманіе на форму наружнаго уха и начали придавать нѣкоторымъ изъ ея вариаций значеніе расовыхъ признаковъ, — становится очевиднымъ, что въ настоящее время систематическое изученіе наружнаго уха отвѣчаетъ на запросы широкаго круга людей мысли и является дѣломъ, хотя быть-можетъ, и утомительнымъ по своей кропотливости, но существенно важнымъ и прямо необходимымъ не только для теоретическаго научнаго мышленія, но даже и для нѣкоторыхъ сторонъ прикладныхъ практическихъ знаній.

II.

Анатомическая номенклатура и очеркъ „идеальнаго“ (средняго) наружнаго уха. О вариацияхъ формъ и ихъ предѣлахъ. Способы регистраціи вариаций (схема проф. *Schwalbe*)

Наружное ухо (собственно его раковина) представляетъ изъ себя неправильную воронку, расширеніе которой вытянуто въ овалъ съ верхне-нижнимъ (приблизительно) длиннымъ и передне-заднимъ короткимъ диаметрами. Эта воронка образована дубликатурой кожи и подкожной жировой кѣлѣчатки съ заложеной внутри ея повсюду, за исключеніемъ мочки, хрящевой основой, крѣпко, но довольно подвижно приращенной къ *porus acusticus externus*. Непосредственное хрящевое продолженіе *porus acusticus externus* является въ видѣ не вполне закрытаго (открытаго кверху) хрящевого канала—*cartilago meatus auditorii externi* *), ограничивающаго наружный слуховой проходъ. Задняя стѣнка этого канала расширяется и безъ всякой видимой границы переходитъ въ хрящевую основу собственно наружнаго уха. Въ наружномъ ухѣ различаютъ главнымъ образомъ двѣ плоскости—выпуклую внутреннюю, обращенную къ головѣ и вогнутую — наружную. Свободный, большею частью слегка великообразно вздутый край, въ которомъ сходятся наружная и внутренняя поверхности, ограничивающій ушную раковину спереди, сверху и сзади, носитъ названіе *завитка* — (*helix*) см. фиг. 1-я, 1—2, получившаго свое имя вслѣдствіе того, что это образованіе не лежитъ правильно въ передне-

задней вертикальной плоскости, но представляетъ изъ себя заворотъ свободнаго края уха, направляющагося сначала кнаружи, а потомъ впередъ, при чемъ завернутый край перегибается надъ своей оставшейся въ прежней плоскости частью такъ, что наружная поверхность этой послѣдней становится при перегибѣ внутренней а самый свободный край обращенъ впередъ (косвенно впередъ и кнаружи); для верхняго полюса уха отношенія эти, конечно, мѣняются и свободный край завитка обращенъ уже не впередъ и кнаружи, а кнаружи и внизъ.

Въ завиткѣ различаютъ *переднюю* или *восходящую* (1 фиг. 1-я) и *заднюю* или *нисходящую* (2 фиг. 1-ая) части.

Такъ какъ переходъ изъ восходящей части завитка въ нисходящую представляетъ дугу, иногда (особенно въ широкихъ ушахъ) довольно пологую, нѣкоторые авторы (какъ напримѣръ *Binder*) описываютъ еще дугообразную или *поперечную* часть завитка, что, впрочемъ, не соответствуетъ даннымъ исторіи развитія наружнаго уха.

Восходящая часть завитка начинается въ видѣ поперечнаго съ острымъ гребнемъ валика, идущаго со дна самой углубленной части наружнаго уха—*conchae* (см. фиг. 1-ая) и носящаго названіе *ножки завитка* (*crus helicis*) см. 3 фиг. 1. Нисходящая же часть завитка уплощаясь переходитъ въ задній край мочки, отдѣляясь

*) Недостоящая часть хрящевого канала затянута фиброзной перепонкой.

отъ него не всегда выраженной кожной бороздкой—*sulcus helicino-lobularis* His'a.

Въ той области завитка, гдѣ онъ, образовавъ уже дугу, начинаетъ принимать нисходящее направление, на свободномъ его краю, то немного выше, то не много ниже располагается не всегда достаточно выраженный бугорокъ или припуханіе свободного края (въ образованіи котораго участвуетъ не одна кожа, но и подлежащая часть хряща) — это такъ называемый — *Дарвиновъ бугорокъ* (*tuberculum Darwini*) см. с фиг. 1-ая.

Нижній полюсъ ушной раковины составляетъ *мочка* (*lobulus*) см. L фиг. 1, лишенная хряща, богатая жировой клетчаткой съ вкрапленными въ нее отдѣльными хрящевыми зернышками и узелками дупликатура кожи, имѣющая свободные задній и нижній край, передній— же ея край свободенъ не на всемъ протяженіи, но то выше, то ниже сливается совершенно съ кожей щеки. Между кожей щеки и свободною частью передняго края мочки существуетъ (невсегда) узкая треугольная вырѣзка, которая вслѣдствіе извѣстнаго ея отношенія къ конфигураціи уха обращаетъ на себя вниманіе и должна поэтому носить свое опредѣленное названіе, хотя бы по мѣсту ея положенія (*sinus lobulo-buccalis*).

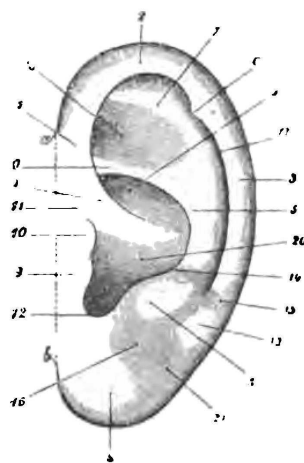
Между верхнимъ концомъ передняго края мочки и границей перехода ножки завитка въ восходящую его часть вставлена подвижная четырехугольная, иногда болѣе или менѣе округлая на свободномъ своемъ краѣ пластинка (съ хрящевой основой) — такъ называемый козелокъ (*tragus*) (см. 9 фиг. 1), направленный косвенно кнаружи и назадъ и прикрывающій собою входъ въ наружный слуховой проходъ. Въ верхней своей части козелокъ соприкасается съ *crus helicis*, отдѣляясь отъ него ясно замѣтною бороздкою—*sulcus helicino-tragicus* (*Schwalbe*).

Завитокъ, мочка и козелокъ вмѣстѣ ограничиваютъ контуры наружнаго уха такъ, что верхній, нижній и задній края его оказываются свободными, передній же край непосредственно переходитъ въ кожу щеки, образуя мало обыкновенно замѣтную на глазъ, не совсемъ правильную пограничную линію между кожей щеки и переднимъ краемъ мочки вверхъ отъ вершины *sulcus lobulo buccalis*, основаніемъ козелка, ножкой и частью основанія восходящей части завитка до той его точки, гдѣ онъ вполне отдѣляется отъ кожи виска, образуя новую, направленную вершиной внизъ вырѣзку—*sulcus helico-temporalis*. Эту линію прикрѣпленія наружнаго уха къ кожѣ щеки и виска проф. *Schwalbe* называетъ *линіей прикрѣпленія уха* или *основаніемъ* уха, концевыя же ея точки, т.-е. вершины *sulcus helico-temporalis* и *sulcus lobulo-buccalis* (а и b фиг. 1)—*Schwalbe* называетъ верхней и нижней точками прикрѣпленія уха (*линія основанія*— *Insertionslinie* или *Ohrbasis* *Schwalbe* см. пунктирную линію *ab* фиг. 1).

Параллельно нисходящей части завитка идетъ по наружной поверхности ушной раковины валикъ съ широкимъ притупленнымъ гребнемъ, замѣтный и съ медіальной (внутренней) поверхности въ видѣ вогнутаго жолоба. Этотъ валикъ носить названіе *противозавитка* (*anthelex*) (см. 5 фиг. 1) и простирается внизъ до одного уровня съ завиткомъ, т.-е. до уровня верхняго края противокозелка (см. ниже), отъ котораго и отграничивается замѣтною если не на глазъ, то во всякомъ случаѣ на ощупь довольно глубокою бороздкою *incisura anthelexis s. sulcus auris posterior* (*Schwalbe*) (см. 14 фиг. 1).

Вверху противозавитокъ распадается на двѣ ножки, изъ которыхъ одна — *верхне-задняя* (*crus superius posterius anthelexis* см. 7 фиг. 1), составляющая какъ бы

Фиг. I.

ав. — Основаніе уха, с. — Дарвиновъ бугорокъ (формы III по *Schwalbe*), 1 *crus helicis*, 2, 2—восходящая часть завитка, 3—нисходящая часть завитка, 4—мочка, 5—стволъ *anthelexis*, 6—*crus inferius anthelexis*, 7—*crus superius anthelexis*, 8—*antitragus*, 9—*tragus*, 10—*tuberculum supratragicum*, 11—*sulcus auris anterior* (*incisura trago — helicina*), 12—*incisura intertragica*, 13—*tuberculum retrobulare* (His), 14—*sulcus auris posterior* (*incisura anthelexis*), 15—*sulcus helico-lobularis*, 14+15—*sulcus obliquus* His'a, 16—*sulcus supralobularis*, 17—*fossa navicularis* (*scaphoidea*) 18—*fossa triangularis* (*ovalis*), 19—*cymba conchae*, 20—*cavitas conchae*, 21—*sulcus retrobulularis*.

непосредственное продолженіе самаго тѣла (ствола) противозавитка, продолжаетъ идти вверхъ параллельно нисходящей части завитка, подходи подъ которую не много впереди верхняго полюса уха (его макушки) постепенно сглаживается и исчезаетъ; другая же — *нижне-передняя ножка* (*crus inferius anterius anthelexis* — см. 6 фиг. 1)—круто измѣняетъ направленіе ствола и идетъ въ видѣ поперечнаго, слегка дугообразно изогнутаго валика (выпуклостью вверхъ) къ области перехода ножки завитка въ его восходящую часть, гдѣ и теряется, будучи прикрыта завиткомъ.

Между стволкомъ противозавитка съ его верхне-задней ножкою и завиткомъ существуетъ то болѣе, то ме-